

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ
«БИБЛИЯ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

Я хочу напомнить читателю такую сцену. Юная Соня Мармеладова вынужденно, чтобы спасти от голода своих близких, идет на панель; выйдя из дому в шесть часов, она возвращается в девять, с тридцатью целковыми. Молча положив их на стол, она падает на кровать и – «только плечики вздрагивают». Если воспринимать эту сцену единственно в плоскости реалистического бытописания, то остается впасть в отчаяние от крайней униженности человека. Но все дело в том, что с шестого по девятый час умирал на кресте Христос, чья невинная кровь была оплачена тридцатью серебряниками. Это Его вечные раны горят в растерзанной плоти девушки, повторившей подвиг Спасителя без всякой надежды на понимание и прославление. Без этой символики роман Достоевского был бы плюсок и ужасен¹. И найти ответ лика Христа в растоптанной петербургской блуднице мог только художник, прозревающий под грязной плотью реальности некие скрытые силовые линии бытия. Можно ли обнаружить этот – главный – смысл произведения Достоевского, используя привычный инструментарий социологического подхода?

Старое российское, советское да и постсоветское литературоведение² рассматривает литературу в первую очередь в идейно-социологическом ключе. Но ключ этот исторически сложился как контаминация взаимоисключающих установок: во-первых, трактовки писателя как «учителя» (с древнерусских времен), во-вторых, – еще и как «слуги общества» (эпоха секуляризации). Десакрализованное творчество исходило из задачи прославления земного жизнеустроения; особенно четко поставил так вопрос классицизм, который устами Буало запретил писателю обращаться к Библии, зато обязал воспевать монарха; учителем в духовном смысле писатель перестал быть, но наставником как грамотный человек оставался. Такой подход, по сути, укрепили и развили (с поправкой на изменение политических ориентаций общества) позитивистские установки авторитетной академической культурно-исторической школы (концепция И. Тэна): здесь важна была не сама литература, а паралитературные обстоятельства – среда, историческая обстановка и пр. Параллельно возникшая в России, благодаря Белинскому, Чернышевскому и Добролюбову, тенденция превратить литературу в некое подручное средство для совершенствования

¹ С. Абрамович, *В поисках утраченного рая: духовное самоопределение русского писателя XIX – начала XX ст.: монография*, Киев 2009, с. 23.

² Не говорю о литературоведческом зарубежье, которое, при многих отдельных, часто блестящих наблюдениях, все же определенного направления не составило.

общества была очередной волной просветительского проекта десакрализации культуры и непосредственно подготовила марксистскую трактовку литературы как инструмента пропаганды. Когда Плеханов провозгласил тезис о необходимости «вырвать» художественные особенности произведения (как сорную траву, что ли?) и уж тогда спокойно анализировать оставшиеся «идейно-социологические» моменты, то он опирался и на опыт школы Тэна, и на традицию русской литературной критики, реализовавшей подобные идеи еще более радикально. В советские времена дирижеры науки и литературного образования уже попросту пытались превратить литературу в дидактику, в пропаганду, в «учебник жизни». Фактически это привело к моральной гибели авторитета литературы в школе, как средней, так и высшей. Ведь «учебником жизни» издавна были не стихотворение или роман, не субъективное произведение художника, пусть и самого талантливого, а книга сакральная. Дидактическая функция исконно присуща литературе утилитарной, по природе риторической, а не поэтической – последняя никогда не будет ничем большим, чем рафинированное культурное развлечение. Желание наделить художественную литературу обязательной нравственно-воспитательной функцией могло возникнуть лишь у людей, внутренне абсолютно равнодушных и к литературе, и к моральному воспитанию.

Но даже безудержная социологизация литературы в советскую эпоху, в общем-то, не выходила за рамки алгоритма «секулярной религии», которую представляло собой коммунистическое мышление. Здесь обычно имплицитно присутствовала «Библия навыворот», как, скажем, в каноническом для социалистического реализма романе Максима Горького *Мать*, представляющего собой вульгарное переосмысление Евангелия в «богоборческом духе» (образы Павла как апостола новой веры, Ниловны как варианта *Mater Dolorosa* и пр.). Агиографическая традиция также использовалась весьма широко – в бесчисленных жизнеописаниях военных и трудовых подвигов «замечательных людей». И, хотя механическая замена Бога на Материю и Социум не изменила ни «учительной» установки литературы, ни подневольного статуса самих учителей, общее подсознательное устремление к Абсолюту и Идеалу остается главной силовой линией литературного творчества. Поэтому феномен русской литературы непостижим без учета Библии как глубинного интертекста, и все попытки свести значение ее для русского писателя исключительно к роли мертвого источника для интерпретаций, истолкований и пародий оказываются несостоятельными. Сказывается, что отправной точкой русской словесности была христианская традиция, трансплантированная с византийской почвы. Писание и церковная литература, в то время, как собственное язычество, столь плодотворное в культурном отношении для европейской античности, ничего сколько-нибудь ценного не создало³.

³ Даже насчет подлинности *Повести временных лет* и *Слова о полку Игореве* в последнее время высказываются достаточно обоснованные сомнения, а что до попыток всерьез трактовать такую откровенную фальшивку, как *Велесова книга*, то их научная беспомощность совершенно очевидна.

Конечно, нельзя сказать, что русское художественное слово выполняет во всем своем объеме ту же функцию, что *веданта* в литературах Индии по отношению к Ведам, но практически ни одного «свободного» от прямого или косвенного влияния христианства сколько-нибудь крупного писателя не отыскать – включая даже наиболее независимого от любых идеологических доктрин Чехова⁴. Поэтому на фоне краха марксистской методологии любые попытки применить исключительно социологический подход обречены на неполноту, даже если заменить марксизм, например, социокультурной критикой (Ф. Р. Ливис); критика эта, состоящая в «снятии» романтической дихотомии «поэт – общество» и замене ее на представление о поэте как элитарном, духовном лидере общества, не дает возможности запрячь русского Пегаса в плуг утилитаризма, не обломав ему при этом крылья. Пегас этот, в отличие от его западноевропейских сородичей, стремится непременно возноситься в небеса, опускаться в глубины ада, постигать непременно суть Бытия, границы Добра и Зла.

С другой стороны, цунами «православного литературоведения», поднявшееся в последние годы в России, не считается никак ни со специфической художественного слова, ни с реальными фактами вообще. Возьмем того же Достоевского, которого уже именуют ни более, ни менее чем создателем особого «христианского реализма». Эту формулу вводит В. Н. Захаров, считающий, что история изучения русского реализма есть «история недоразумений» и стремящийся эти недоразумения рассеять следующим образом: «Достоевский был одним из тех, кто своим творчеством выразил идею христианского реализма [...] Путь русской литературы в ее высших свершениях последних столетий это путь обретения русским реализмом Истины, которая явлена Христом и „бысть Словом“». На этом пути, согласно автору данного мнения, учителем Достоевского был Пушкин, в первую очередь – как автор *Повестей Белкина*⁵. No comments. А чем, собственно, отличается концепция И. Есаулова, выдвинувшего в последние годы звонкий термин «Пасхальность русской литературы» – ведь пасхальность эта неотличима от старого понятия «соборности», понимаемой как радость коллективного бытия людей, уверенных, что они обладают истиной⁶. Возможны и модели «навыворот»: когда-то А. Глотов провозгласил коммунистический тоталитаризм детищем... Евангелия⁷, буквально истолковав слова Христа о том, что он принес не мир, а меч, как объявление войны инакомыслящим. Опять же, no comments.

И уж совершенно не берется в расчет то обстоятельство, что русская писательская религиозность (в частности – того же Достоевского) сформировалась не столько под влиянием самой Библии, сколько под влиянием

⁴ С. Абрамович, *Обретение вечности как метасюжет зрелого Чехова*, „Мова і культура“, вип. 13, т. I (137), Київ 2010, с. 5–13.

⁵ В. Н. Захаров, *Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы)*. [Режим доступа]: <http://www.portal.slovo.ru/rus/philology/258/560/9837/>

⁶ И. А. Есаулов, *Пасхальность русской словесности*, Петрозаводск 2004.

⁷ А. Глотов, *Иже еси в Марксе (Русская литература XX века в контексте культового сознания)*, Зелена Гура 1995.

апокрифов, в основном гностического толка⁸. То есть, Злу здесь отводилась ровно такая же роль, как и Добру (в христианстве, по Августину, Зло собственной природы не имеет, оно лишь «тень Добра»). В казусе, к примеру, многих символистов или Михаила Булгакова эта гностическая концепция отчетливо выступает как основа авторской позиции.

Возвращаясь к проблеме секуляризации культуры, выдвинутой в эпоху Просвещения, заметим, что она до сих пор трактуется у нас в тонах некоего энтузиазма, но при этом литературовед не слишком вдается в природу многих явлений этого круга. Так, например, не учитывается практически резонанс масонских идей как истока русского богоборчества – до сих пор нашим литературным этикетом негласно табуируется анализ соответствующих корней наследия того же Пушкина, масона высокого ранга, чьи вольнолюбивые идеи восходят к совершенно определенным источникам. Да об одном ли Пушкине тут надо говорить?

Тем более, что в сфере филиации идей все отчетливо обозначилось. Можно сказать, что в течение постренессансного периода в Европе и вообще в мире, который еще недавно чувствовал себя христианским, кардинально смещается полюс сакрального. С начала своего существования человечество, даже обожествляя некие силы природы, искало в них божества – духовного эквивалента: бога грозы, бога воды, земли и т. д. С Ренессанса начинается полоса активного титанического богоборчества, и обезбоженной материи предоставляется тот же почет, что до недавнего времени – вещам спиритуальным. Секс, еда, молодость, богатство, власть над ближним снова становятся главными ценностями, и история литературы Нового времени свидетельствует об этом великом повороте, обычно отдавая предпочтение уже не наставлению, самосозерцанию и постижению Бога, а мошенническо-авантюрному сюжету погони за земными благами. Сегодня мы живем в лоне секуляризованной культуры, которая, несмотря на свою предельную историческую молодость, успела – может, как раз благодаря своей молодости, – заблокировать намертво все, что составляло духовную пищу человечества на протяжении всего его, человечества, существования. Фигурально говоря, профанное сознание не только вытеснило представление о *Sacrum*, но и присвоило себе функции последнего: достаточно указать на энтузиастическое обожествление человека, которое наблюдается в сферах политики, науки или искусства и является откровенным отрицанием довольно подзабытого в научной среде понятия обожения человека – в церковной культуре. Это сопровождается откровенным признанием релятивности морали – и даже не в рамках различных культурных сообществ, но и в рамках сознания одной и той же личности (плюрализм, что называется, в одной голове). Доводится до абсурда принцип «политкорректности», что развязывает руки любому агрессивному и некомпетентному отрицанию основ традиционной культуры. Деградирует искусство, которое скатилось до уровня всепоглощающей эстрадности и откровенной

⁸ См., напр.: F. Mc Connell, *The Bible and the Narrative Tradition*, Oxford 1991.

самопродажи. Известный футуролог Ф. Фукуяма справедливо определил ситуацию как Великий Разрыв, путь в никуда, где сама история словно бы прекращается.

Все это – выражение глубинных противоречий европейского духа, сформированного в противостоянии античности и христианства, и именно эта противоречивость обуславливает уникальную энергию и динамику духовного поиска Европы. Но в России сотрясение авторитета Библии, этого, по сути, единственного настоящего интертекста культуры, приводит к подлинно апокалипсическому сценарию. В последнее время на постсоветском пространстве чрезвычайно активизируется откровенно антикультурная тенденция. Достаточно сказать, что стремление к разрушению и преклонение перед Злом отбросило использование всяческих масок вроде пропаганды утопических моделей человеческого будущего, и, более того, от попыток апологии языческой архаики сегодняшние «прогрессисты» переходят к откровенному... культу Зла: чего стоит хотя бы недавнюю рекомендацию популярного российского молодежного журнала «Смена» тем, кто сейчас «хочет пожить по-язычески»: не терять времени на изучение различных традиционных языческих ценностей, а сразу брать писания сатанистов: там, мол, хорошо сконцентрировано все необходимое для того, кто хочет пожить, как язычник⁹. Постмодернистская философия с ее изначальным скепсисом относительно всякой аксиологии закрепляет это разрушение традиционных культурных миров и замену художественного образа с его гносеологической глубиной – симулякром, что, как известно, означает «искушение», «обман».

В общем, надо бы возобновить изучение Библии. В условиях отделения церкви от школы – вполне, впрочем, закономерного – проблема ознакомления подрастающего поколения с духовными сокровищами нашей цивилизации остается насущной, особенно после десятилетий беспощадного выкорчевывания всего, связанного с религией. Но сегодняшнее изучение Библии на школьной скамье представляет непростую проблему, так как все еще сильно стремление просто изымать из текста Книги книг более-менее «художественные» фрагменты, отмахиваясь от их собственно религиозного смысла и подменяя религиозную дидактику расплывчатым гуманистическим нравоучением (Давид, убивший Голиафа, это в первую очередь, «патриот» и пр.). Да и детское восприятие Библии имеет свои пределы. Вузовская же программа в постсоветском пространстве и сегодня отражает то состояние, которое сложилось в советские времена, когда Библию запрещалось изучать вообще. Она в принципе остается вне интересов будущего филолога. Так, на первом курсе студенты изучают в достаточном объеме античную литературу (с особым почему-то акцентом на мифологию античного мира – воздушный поцелуй умершему классицизму), и усваивают, что литература – это то, что строится по правилам *Поэтики* Аристотеля, «благородный вымысел». А последующее изучение средневековой литературы (без знания Библии) вообще лишается фундамента. Из

⁹ А. Добрянская, *Золотая ветвь*, «Смена» 2010, № 7, с. 17.

литературного процесса искусственно изъято звено, без которого невозможно понять характер средневековой (да и позднейшей) словесности. Инерция просветительских табу XVIII века, помноженная на инерцию атеистической пропаганды времен тоталитаризма, продолжает довлеть, если не подавлять. Между тем в западном образовании, при сохраняющейся установке на секуляризацию, Библия продолжает серьезно изучаться как движущая сила литературного развития¹⁰. У нас же такой подход единичен – скажем, в Украине за последние годы можно назвать лишь несколько заметных изданий, в которых Библия рассматривается как форманта и интертекст литературы, в частности, русской¹¹. Практически здесь доминирует другая старая позитивистская методология – компаративистика, приверженцы которой рассматривают Библию как сундук с рухлядью, пригодной лишь для вытягивания отдельных красивых ниток, вплетаемых в новую вязку перетолкований и пародий¹².

Но если даже ввести, наконец, Библию и сакральные книги других литератур Востока в программы филологических факультетов, возникает задача выработки методики анализа их идейно-литературной специфики. Помимо проблемы знания языков (в данном случае – гебрайского и койне), проблем перевода и экзегетики в широком смысле, возникает задача использования опыта теологии, иудаистской и христианской. Ведь истолкование Вечной Книги полноценно лишь при учете этого немалого опыта – превратить Библию в сугубо «литературный памятник» невозможно, поскольку писалась она (за немногими исключениями) не как художественное произведение и не по законам поэтики Аристотеля. Не следует забывать, что Библия – дидактическая книга, а художественные моменты в ней эпизодичны и второстепенны.

Все эти вопросы я и некоторые мои коллеги не раз ставили публично, но, к сожалению, практически никакой реакции на эти инициативы не последовало. Это свидетельствует о незыблемости «просветительно-марксистской» установки в сознании нашей научно-педагогической общественности, что, возможно, определено и поистине средневековым характером нашего т. н. «религиозного ренессанса». Но страдает от этого непрекращающегося соревнования двух архаических систем сознания именно подрастающее поколение.

¹⁰ W. L. Reed, *Dialogues of the word: The Bible as Literature. According to Bakhtin*, NY Oxford: University Press 1993; M. Weiss, *The Bible from within: The Method of total interpretation*, Jerusalem 5762 (2001) и мн. др.

¹¹ С. Д. Абрамович, *Біблія як форманта філологічної культури*, Київ-Чернівці 2002; *Біблія як інтертекст світової літератури*, під ред. проф. С. Абрамовича, Кам'янець-Подільський 2011.

¹² А. Е. Няшчу, *Новый Завет и мировая литература*, Черновцы 1993.

Summary

SEMEN ABRAMOVICH

CURRENT ASPECTS OF THE PROBLEM OF "THE BIBLE AND RUSSIAN LITERATURE"

The article analyzes the problem of studies of Russian literature in the context of post-Renaissance processes in world, especially in Europe. The Enlightenment program was aimed at undermining the earlier culture and the construction of a new type of culture, in which the centre of attention was the experience of individuals not corrupted by civilization and Christian morality. The apogee of this cult of the creative «I» lies in the romanticism of his titanic «rebellion» against God. But Russian literature, as well as other Eastern Slavic literature, is based on the Christian books, which were its original sources. The secularization of culture after Peter I was aimed to destroy this base. However it was preserved and eventually evolved into the idea of communist totalitarianism. Therefore, the realization of the Enlightenment project – the creation of popular culture in Russia was particularly devastating. Russian classic output stems from the Christian tradition. It should be recognized that the artistic word cannot properly «educate», which is the function of didactic or sacred books.

Key words: the Bible, literature, sacral books, type of culture, secularization.